

*Литвинцева Наталья Юрьевна,
к.ю.н, доцент доцент кафедры уголовного
процесса и прокурорского надзора ФГБОУ
ВО "Байкальский государственный
университет" г. Иркутск
Стома Данила Сергеевич,
студент 2 курса по направлению
подготовки 40.04.01 Юриспруденция,
направленность:
Уголовный процесс и прокурорский надзор*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ФОРМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье исследуются теоретические и практические проблемы законодательного закрепления форм предварительного расследования в Российской Федерации. Особое внимание уделяется отсутствию легальной дефиниции категории «форма предварительного расследования» в УПК РФ, а также соотношению дознания, предварительного следствия и дознания в сокращённой форме. Анализируются положения уголовно-процессуального законодательства, доктринальные подходы и вопросы правоприменения. Обосновывается необходимость дальнейшей систематизации нормативного регулирования и совершенствования гарантий прав участников уголовного судопроизводства [1, с. 34; 3, с. 12].

Ключевые слова: предварительное расследование, процессуальная форма, дознание, предварительное следствие, дознание в сокращённой форме, УПК РФ, подследственность, права личности.

Abstract: *The article examines theoretical and practical problems of legislative consolidation of forms of preliminary investigation in the Russian Federation. Special attention is paid to the absence of a legal definition of the category “form of preliminary investigation” in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as to the relationship between inquiry, preliminary investigation, and abbreviated inquiry. The author analyzes criminal procedure legislation, doctrinal approaches, and issues of law enforcement. The article substantiates the need for further systematization of legal regulation and improvement of guarantees for participants in criminal proceedings [1, p. 34; 3, p. 12].*

Keywords: *preliminary investigation, procedural form, inquiry, preliminary investigation, abbreviated inquiry, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, jurisdiction, individual rights.*

Введение

Институт предварительного расследования занимает одно из центральных мест в системе российского уголовного судопроизводства, поскольку именно на этой стадии формируется основная доказательственная база, устанавливаются обстоятельства совершённого деяния и определяется дальнейшая процессуальная судьба уголовного дела. От качества предварительного расследования зависит не только эффективность уголовного преследования, но и реальность обеспечения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и иных участников процесса [1, с. 34; 4, с. 12].

Актуальность темы обусловлена тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит легального определения категории «форма предварительного расследования», несмотря на её широкое использование в доктрине и правоприменительной деятельности. В УПК РФ данная категория употребляется фрагментарно и опосредованно — через нормы, регулирующие дознание, предварительное следствие, подследственность, сроки расследования и особенности

сокращённой формы дознания [2, ст. 5, 150, 151, 223, 226.1–226.2]. Подобная ситуация создаёт основания для неоднозначного толкования соответствующих норм в правоприменительной практике и осложняет формирование единого научного подхода к содержанию указанного института [5, с. 23; 10, с. 57].

В научной литературе формы предварительного расследования рассматриваются как разновидность процессуальной формы, применяемой на досудебной стадии уголовного судопроизводства [3, с. 12; 4, с. 14]. Вместе с тем отсутствие единой законодательной конструкции, раскрывающей их общие признаки и критерии разграничения, свидетельствует о фрагментарности регулирования и необходимости дальнейшего научного осмысления данного института [5, с. 22–27]. Именно поэтому исследование вопросов законодательного закрепления и практического применения форм предварительного расследования представляется актуальным как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Цель статьи состоит в комплексном анализе проблем законодательного закрепления и практического применения форм предварительного расследования в Российской Федерации, выявлении основных противоречий и формулировании предложений по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования [6, с. 81; 10, с. 29].

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: определить теоретическое содержание понятия формы предварительного расследования; проанализировать нормативное закрепление соответствующих положений в УПК РФ; выявить практические проблемы разграничения форм предварительного расследования; рассмотреть особенности дознания в сокращённой форме; сформулировать возможные направления совершенствования законодательства [7, с. 40–46; 8, с. 55–61].

1. Теоретическое понимание форм предварительного расследования

Вопрос о формах предварительного расследования относится к числу наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса. Его проблемность во

многим объясняется тем, что законодатель не закрепил в УПК РФ самостоятельной нормы, содержащей определение данной категории. Между тем в теории уголовного процесса форма предварительного расследования традиционно понимается как установленный законом порядок осуществления досудебной деятельности уполномоченными субъектами, отличающийся по кругу органов расследования, срокам, объёму полномочий, процессуальным средствам и уровню гарантий прав участников судопроизводства [4, с. 14; 5, с. 12].

Категория процессуальной формы является более общей. Она охватывает весь порядок уголовного судопроизводства, установленный законом, включая досудебные и судебные стадии. Форма предварительного расследования, в свою очередь, представляет собой частное проявление процессуальной формы, относящееся именно к стадии предварительного расследования [3, с. 12; 6, с. 81]. Следовательно, анализ форм предварительного расследования невозможен вне более широкой проблематики уголовно-процессуальной формы как таковой [4, с. 12].

В российском уголовном процессе традиционно выделяются две основные формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание [2, ст. 150]. Кроме того, современное законодательство предусматривает дознание в сокращённой форме, которое отличается более сжатыми сроками, ограниченным перечнем уголовных дел и упрощённым порядком производства [2, ст. 226.1–226.2]. Тем самым законодатель фактически создал внутреннюю дифференциацию формы дознания, что свидетельствует о её многоуровневом характере [7, с. 42; 12, с. 49–55].

Предварительное следствие является основной и наиболее полной формой предварительного расследования. Оно применяется по уголовным делам, требующим проведения значительного объёма следственных действий, углублённого анализа доказательств, установления сложных фактических обстоятельств и повышенной процессуальной гарантированности. Данная форма расследования осуществляется следователем, обладающим

определённой степенью процессуальной самостоятельности в рамках, установленных законом [6, с. 81]. Предварительное следствие предполагает использование всего арсенала следственных и иных процессуальных действий, необходимых для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [1, с. 34].

Дознание, напротив, представляет собой упрощённую форму предварительного расследования, предназначенную для уголовных дел небольшой и средней тяжести, а также для иных случаев, предусмотренных законом. Оно осуществляется дознавателем или органом дознания и отличается сокращёнными сроками и меньшим объёмом процессуальных действий по сравнению с предварительным следствием [7, с. 40–46]. Однако упрощённость дознания не означает его второстепенности. Напротив, дознание выполняет важнейшую функциональную роль в системе уголовной юстиции, обеспечивая оперативное реагирование государства на значительный массив преступлений и разгружая следственный аппарат [8, с. 55–61].

Особое место занимает дознание в сокращённой форме. Его появление в российском уголовно-процессуальном законодательстве было связано с необходимостью процессуальной экономии и ускорения производства по уголовным делам. Вместе с тем сокращённая форма дознания может применяться только при наличии специальных условий, установленных законом, включая отсутствие спора о фактических обстоятельствах дела, согласие подозреваемого и признание им своей вины [2, ст. 226.1; 12, с. 49–55]. Следовательно, данная форма не должна восприниматься как универсальный способ упрощения расследования, поскольку её применение возможно лишь в чётко ограниченных пределах [13, с. 101–107].

Следует отметить, что в доктрине высказываются разные точки зрения относительно соотношения дознания и предварительного следствия. Одни авторы считают, что дознание следует рассматривать как производную, вспомогательную форму расследования, в то время как предварительное следствие выступает в качестве основной и универсальной формы [6, с. 81].

Другие исследователи полагают, что обе формы следует оценивать как равнозначные, но предназначенные для различных категорий уголовных дел и уровней общественной опасности деяний [4, с. 14; 9, с. 66–72]. Представляется, что более убедительной является именно вторая позиция, поскольку она позволяет учитывать функциональную специфику каждой формы и исключает избыточную иерархизацию их значения.

Таким образом, формы предварительного расследования следует рассматривать как дифференцированные правовые конструкции, обеспечивающие адаптацию уголовного судопроизводства к различным категориям преступлений, уровню их общественной опасности и степени сложности установления обстоятельств дела [1, с. 34; 3, с. 12].

2. Нормативное закрепление форм предварительного расследования в УПК РФ

Нормативное регулирование форм предварительного расследования в УПК РФ носит фрагментарный характер. Законодатель не выделил специальную главу, посвящённую понятию и общим признакам форм предварительного расследования, а соответствующие положения распределил по различным статьям кодекса. Это обстоятельство одновременно свидетельствует о гибкости правового регулирования и о недостаточной системности законодательного подхода [10, с. 27–32].

Основополагающее значение имеет статья 150 УПК РФ, согласно которой предварительное расследование производится в форме предварительного следствия либо дознания [2, ст. 150]. Именно данная норма формально закрепляет базовую дифференциацию досудебного производства. Однако статья не раскрывает сущности каждой из форм, не определяет их общие признаки и не устанавливает критерии разграничения. В результате правоприменителю приходится опираться на совокупность иных норм УПК РФ, а также на доктринальные подходы [5, с. 22–27; 10, с. 29].

Статья 151 УПК РФ регулирует подследственность уголовных дел, то

есть распределение дел между следователями различных ведомств и органами дознания [2, ст. 151]. Значение этой нормы состоит в том, что она конкретизирует компетенцию соответствующего органа и тем самым опосредует выбор формы расследования. Ведомственная дифференциация следственных органов сохраняет своё значение и в настоящее время: предварительное следствие осуществляется следователями Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, федеральной службы безопасности и иных органов, предусмотренных законом [14, с. 31–36].

Нормы главы 32 УПК РФ посвящены дознанию как самостоятельной форме предварительного расследования. Так, статья 223 УПК РФ устанавливает общие положения дознания, статья 224 УПК РФ регулирует особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу при производстве дознания, а статья 225 УПК РФ закрепляет порядок окончания дознания с обвинительным актом [2, ст. 223–225]. Эти нормы подтверждают, что дознание обладает собственной процессуальной природой, а не является простым сокращённым аналогом предварительного следствия [7, с. 40–46].

Особое значение имеют статьи 226.1 и 226.2 УПК РФ, регулирующие дознание в сокращённой форме [2, ст. 226.1–226.2]. Законодатель установил для данной процедуры особый режим применения, предполагающий согласие подозреваемого, отсутствие спора о фактических обстоятельствах и ограниченный перечень преступлений. Тем самым в УПК РФ фактически закреплена дополнительная разновидность дознания, что свидетельствует о внутренней дифференциации самой формы дознания [12, с. 49–55; 13, с. 101–107].

Кроме того, в УПК РФ содержатся и иные нормы, значение которых выходит за пределы отдельных стадий, но которые непосредственно влияют на понимание форм предварительного расследования. Речь идёт, в частности, о положениях, регулирующих неотложные следственные действия, приостановление и возобновление предварительного расследования, соединение и выделение уголовных дел, а также о сроках предварительного

расследования и процессуальных гарантиях участников процесса [2, ст. 157, 162, 208, 210 и др.]. Совокупность этих норм формирует нормативный каркас института предварительного расследования в целом [15, с. 41–46].

Следовательно, законодательное закрепление форм предварительного расследования в Российской Федерации отличается сочетанием базовой дифференциации на предварительное следствие и дознание с последующим усложнением и детализацией самой формы дознания. Однако отсутствие единого легального определения и целостного нормативного описания соответствующего института остаётся существенным недостатком правового регулирования [10, с. 27–32; 16, с. 14–19].

3. Практические проблемы применения форм предварительного расследования

Практика применения форм предварительного расследования демонстрирует, что даже достаточно подробное нормативное регулирование не исключает возникновения ряда проблем. Одной из них является недостаточно чёткое разграничение дознания и предварительного следствия. Хотя законодатель формально определяет подследственность и перечень дел, по которым осуществляется та или иная форма расследования, в реальной деятельности нередко возникают ситуации, когда уголовное дело требует передачи из одной формы в другую в связи с изменением квалификации деяния, выявлением дополнительных эпизодов, увеличением объёма доказательственного материала или необходимостью проведения более сложных следственных действий [9, с. 66–72].

Подобные ситуации объективно осложняют деятельность органов предварительного расследования. С одной стороны, дифференциация форм должна обеспечивать специализацию и ускорение процесса; с другой стороны, динамика конкретного уголовного дела может требовать гибкого перераспределения процессуальных функций. В результате возникают риски затягивания сроков, дублирования процессуальных действий и снижения

качества расследования [11, с. 18–23].

Ещё одной проблемой является неравномерность нагрузки на органы предварительного расследования. Следователи и дознаватели работают в условиях значительного количества уголовных дел, что оказывает влияние на сроки производства, полноту проверки доказательств и качество процессуальных решений [11, с. 18–23]. Особенно это заметно в сфере дознания, где упрощённый характер расследования должен обеспечивать оперативное реагирование, однако высокая служебная нагрузка может приводить к формализации отдельных процессуальных действий [12, с. 49–55].

Существенное значение имеет и вопрос о дознании в сокращённой форме. Данный институт действительно способствует процессуальной экономии и ускорению уголовного судопроизводства, но его применение возможно лишь при наличии устойчивой доказательственной базы и согласия подозреваемого. На практике это означает, что сокращённая форма не может использоваться в качестве универсального механизма упрощения расследования. Более того, в научной литературе высказываются опасения относительно того, что стремление к процессуальной экономии может привести к снижению уровня проверки обстоятельств дела и к формализации признания вины [13, с. 101–107].

Отдельное внимание следует уделить обеспечению прав участников уголовного судопроизводства. Любое упрощение процедуры должно соотноситься с такими фундаментальными принципами, как законность, состязательность, презумпция невиновности и право на защиту. Если же сокращение процессуальной формы осуществляется без достаточных гарантий, это может негативно сказаться на качестве расследования и на реализации конституционных прав личности [14, с. 31–36]. В данном контексте формы предварительного расследования выступают не только как средство процессуальной организации, но и как механизм балансирования публичных и частных интересов.

Нельзя не отметить и проблему ведомственной дифференциации

предварительного следствия. Наличие нескольких следственных органов, наделённых сходными полномочиями, с одной стороны, позволяет учитывать специфику различных категорий преступлений, а с другой — создаёт определённые сложности в обеспечении единообразия правоприменения. Различия в ведомственной структуре, организационной подчинённости и практических подходах к расследованию могут отражаться на качестве досудебного производства [14, с. 31–36].

Таким образом, практика применения форм предварительного расследования выявляет целый комплекс проблем, связанных как с организацией расследования, так и с обеспечением процессуальных гарантий личности. Это подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и выработки единых подходов к правоприменению [15, с. 41–46].

4. Перспективы совершенствования законодательства

Анализ действующего уголовно-процессуального регулирования и практики его применения позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на дальнейшее совершенствование института форм предварительного расследования. В первую очередь представляется необходимым более чётко закрепить в УПК РФ понятийный аппарат, связанный с данной категорией. Отсутствие легального определения формы предварительного расследования создаёт теоретическую неопределённость и затрудняет единообразное понимание соответствующего института [16, с. 14–19].

Одним из возможных путей реформирования является систематизация норм, регулирующих дознание, предварительное следствие и дознание в сокращённой форме. Целесообразно рассмотреть вопрос о включении в общую часть УПК РФ отдельной нормы, определяющей общие признаки форм предварительного расследования и их соотношение. Это позволило бы повысить системность законодательства и устранить фрагментарность

правового регулирования [10, с. 27–32].

Перспективным направлением является и дальнейшее развитие дознания в сокращённой форме. Законодатель мог бы более чётко обозначить пределы его применения, а также предусмотреть дополнительные гарантии для лица, в отношении которого осуществляется расследование. Это особенно важно в ситуациях, когда признание вины и согласие с предъявленным обвинением могут иметь место в условиях неравенства процессуальных возможностей сторон [13, с. 101–107].

Существенное значение приобретает и цифровизация предварительного расследования. Внедрение электронного документооборота, цифровых средств фиксации процессуальных действий и автоматизированных систем анализа информации может способствовать повышению эффективности расследования, сокращению сроков и минимизации технических ошибок [17, с. 21–29]. Однако цифровизация должна сопровождаться надлежащими гарантиями достоверности доказательств, защитой персональных данных и обеспечением процессуальной проверяемости всех значимых действий [15, с. 41–46].

В теоретическом аспекте заслуживает внимания и сравнительно-правовой анализ форм предварительного расследования в зарубежных правовых системах. Опыт иностранных государств показывает, что дифференциация досудебного производства может сочетаться как с высоким уровнем процессуальной экономии, так и с надёжными гарантиями прав личности. Для российской правовой системы такой анализ представляет значительную ценность, однако заимствование зарубежных моделей должно осуществляться с учётом национальных правовых традиций, конституционных принципов и особенностей отечественного уголовного процесса [1, с. 34; 3, с. 12].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что формы предварительного расследования являются одним из ключевых институтов

российского уголовного судопроизводства. Действующее законодательство закрепляет две основные формы предварительного расследования — предварительное следствие и дознание, а также предусматривает дознание в сокращённой форме как особую разновидность процессуальной деятельности. Однако отсутствие в УПК РФ легального определения формы предварительного расследования, а также фрагментарность нормативного регулирования обуславливают необходимость дальнейшего научного и законодательного развития данного института [1, с. 34; 10, с. 27–32].

Практика применения указанных форм выявляет ряд проблем: недостаточно чёткое разграничение подследственности, неоднородность нагрузки на органы расследования, риск чрезмерного упрощения процедуры и необходимость более надёжного обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. В этих условиях особую значимость приобретает поиск оптимального баланса между процессуальной экономией и гарантиями прав личности [11, с. 18–23; 13, с. 101–107].

Следовательно, совершенствование форм предварительного расследования должно идти по пути их систематизации, нормативной конкретизации и укрепления процессуальных гарантий. Именно такой подход отвечает задачам современного уголовного судопроизводства и соответствует конституционным основам правового государства [15, с. 41–46; 17, с. 21–29].

Список литературы:

1. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2023.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3. Лебедева Е.С. Процессуальная форма: понятие и значение в уголовном процессе // Законность. 2022. № 11. С. 22–27.
4. Куликов В.В. Понятие и виды форм предварительного расследования // Российский следователь. 2023. № 7. С. 12–17.
5. Петров П.П. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве:

теория и практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2022.

6. Васильев С.А. Предварительное следствие как форма досудебного производства. М.: Статут, 2021.

7. Борисов М.Н. Дознание в системе форм предварительного расследования // Уголовное право. 2024. № 5. С. 40–46.

8. Андреева Т.Н. Проблемы нормативного регулирования предварительного расследования // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 55–61.

9. Сидоров К.Л. Подследственность как элемент формы предварительного расследования // Следователь. 2023. № 4. С. 66–72.

10. Нечаев Р.М. Понятийный аппарат предварительного расследования: вопросы законодательной техники // Право и государство. 2023. № 12. С. 27–32.

11. Михайлова Е.Р. Нагрузка на органы дознания в современной России // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 18–23.

12. Орлова Н.В. Дознание в сокращённой форме: проблемы применения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 49–55.

13. Фёдоров Д.А. Право на защиту при упрощённых формах расследования // Адвокатская практика. 2023. № 10. С. 101–107.

14. Киселёв А.П. Ведомственная дифференциация предварительного следствия // Уголовный процесс. 2024. № 6. С. 31–36.

15. Громова И.С. Цифровизация предварительного расследования: правовые и организационные аспекты // Закон и право. 2024. № 8. С. 41–46.

16. Петрова Н.И. Формы предварительного расследования: проблемы понятийного определения // Вестник науки. 2024. № 3. С. 14–19.

17. Захарова А.В. Цифровые технологии в предварительном расследовании // Право и цифровая экономика. 2025. № 1. С. 21–29.